

Я стояла у окна вагона и вглядывалась в заиндевшее от мороза стекло. Мимо проплывали развесёлые огоньки нашей шумной столицы, принарядившейся в ожидании новогодних торжеств. Атмосфера предстоящего праздника чувствовалась во всём: в мигании разноцветных гирлянд, в модных красавицах елях, сменивших свой обыденный наряд на нескромно яркую мишуру, во вспышках в вечернем небе преждевременных салютов, так и не дождавшихся наступления новогодней ночи, и в запахе апельсинов, и в заразительно весёлом смехе моих соседей по купе, доносящегося из приоткрытой двери за спиной. Но несмотря на это, душа моя терзалась тоской и печалью. Поезд набирал ход, оставляя позади огни большого города, а вместе с ним, где-то там оставалась и частичка моего сердца — моя любовь, мой Серёжа.

— Отчего такая красавица грустит в одиночестве, — услышала я мужской голос.

— И почему все мужики такие козлы? — тихо пробубнила я.

— О, как! — удивлённо воскликнул всё тот же голос. Я повернулась. Передо мной стоял старичок с окладистой седой бородой и в костюме проводника.

— Ой, простите, Дедушка Мороз, не Вас имела ввиду, — сказала я не без иронии, заглядевшись на бороду незнакомца. Тот слегка ухмыльнулся уголком рта, и погладив ладонью свою белоснежную растительность на лице, спросил:

— Поссорилась с любимым? С мужем? — добавил он, увидав колечко на пальце. Я кивнула в ответ:

— Мы собирались встретить Новый год в родном городе. Но в последний момент планы переменялись. Ради карьеры, он согласился встречать его в компании своего начальства.

— Ну, а ты как же?

— А я? А я обиделась, надула губки, и вот теперь, он остался в Москве, а я еду к родителям и к маленькой сестрёнке.

— Да, — тяжело вздохнул старичок, — непорядок! Непорядок бросать своего мужа в канун новогоднего праздника, — сказал он, покачивая головой. Но видя моё замешательство, добавил: — А с другой стороны, навестить родителей это святое дело. Всё таки Новый год — праздник семейный. Вот только, милая, не стоит их пугать таким грустным лицом и красными глазами. Похоже соседи не дадут тебе нормально отдохнуть в дороге, — кивнул дедушка на галдящую за дверью компанию. — Пойдём, я тебе другое купе открою, хоть поспишь несколько часов, а я пригляжу, чтобы тебя не беспокоили.

— Да я... — хотела было возразить, но старичок, взяв меня за руку, сказал твёрдо:

— Даже не пытайся перечить Дедушке Морозу, а то превращу в сосульку.

Аромат чая с луговыми травами быстро согрел мне не только тело, но и мягко обнял душу приятными воспоминаниями о жарком лете. И я немного успокоилась. Не на век же я рассталась с Серёжей, а лишь на пару дней. И зачем я устроила истерику на перроне, бросая ему в лицо обидные слова?

Дед Мороз в костюме проводника весело подмигнул мне, и пожелав сладких снов, скрылся за дверью. Раздевшись до трусиков, я нырнула под одеяло. И под стук колёс, на удивление быстро, задремала.

— Эй, гражданочка, просыпаемся, — услышала я сквозь дрему мягкий женский голосок. Будучи ещё во власти сладких сновидений, мой организм продолжал сопротивляться такому насильному выдёргиванию из чертог Морфея. Но голос из реального мира становился всё более настойчивым:

— Просыпаемся, гражданочка, конечная, — теряя терпение, голосок становился уже не столь мягким. К назойливым уговорам прибавилось ещё и не менее назойливое потряхивание за плечо.

Нехотя я открыла глаза. Надо мной, склонившись к самому лицу, нависала полноватого вида женщина в униформе проводницы.

— Ну наконец-то! — облегчённо выдохнула она, обдав меня мятной свежестью из расплывшегося в улыбке рта. — Глазки открыли, улыбнулись, а теперь встаём, освобождаем помещение. Поезд дальше не идёт.

— Странно, — задумчиво произнесла она, распрямляясь в полный рост, — я была уверена, что это купе пустовало, — и с этими словами она достала из нагрудного кармашка электронный блокнот и стала внимательно перелистывать его страницы.

— Ты на какой станции взошла? — спросила она меня.

— Э... — открыла я было рот, но только тут до меня дошло, что на проводнице из униформы лишь пилотка с форменной кокардой, да с розовыми погонами короткий жакетик, едва прикрывающий пупок. И всё. Ну то есть ниже пояса на женщине не было ничего, что имело бы отношение к текстильной промышленности. Совершенно не смущаясь своего вида, она небрежно прохаживалась в узком проходе купе. Надо отдать должное, если бы не вся абсурдность ситуации, то мне пришлось бы отметить, что её фигурке совсем не мешала слегка излишняя полнота. Но в тот момент, видя кучеряво-рыжеватый треугольник внизу живота, я совсем растерялась. Чтобы привести свой разум в сознание, я даже пыталась себя ущипнуть, но вся эта филейная картинка никак не хотела превращаться в сновидение. Натянув простыню к самому носу, я продолжила осторожно наблюдать за странной женщиной.

— Так на какой ты станции села? — повторила та свой вопрос. Но не успела я что либо ответить, как в дверях появилась ещё одна особа, точь в точь в такой же униформе.

— Кать, что у тебя тут? — спросила напарница.

Видя уже две голые задницы, моё сознание сломалось окончательно. Я поджала под себя ноги, и прикрываясь простыней, испуганно забилась в угол.

— Простите, а что происходит, — пропищала оттуда дрожащим голосом.

— А что? — удивилась та, которую назвали Катериной.

— Ну... ну, почему вы в таком виде? — произнесла я, слегка заикаясь от смущения.

Проводницы переглянулись. Катя, поправляя пилотку на голове, спросила напарницу:

— Свет, у меня что-то с причёской? — но та лишь пожала плечами.

— Может медиков позвать? — сказала она, заходя в купе. — Девушка явно не в себе.

«Не в себе?» Да это ещё было мягко сказано. У меня просто мозг кипел от всего этого. Может это такой глупый розыгрыш. И сейчас они рассмеются и торжественно произнесут:

«Улыбнитесь, вас снимает скрытая камера!» Но нет, сценка явно затягивалась. Проводницы тем временем с интересом стали разглядывать мою одежду.

— Смотри, Кать, какие странные волосатые шмотки, — сказала Света, погладив висевшую на крючке шубку против шерсти.

— Это из какой же глухомани, милочка, ты к нам пожаловала? В какой-такой дыре до сих пор

кутаются в шкуры животных?

— Да я... да я... — этот, явно оскорбительный тон меня возмутил, и я обиженно произнесла: — Да я из Москвы.

— О-о! — возглас удивления одновременно вырвался у обеих женщин.

— Бедняжка! — покачала головой Катерина. — Ну это многое объясняет. Правда, не объясняет того, что это за фигня и куда её надевают? — добавила она, натягивая на руки мои колготки.

— Отдайте, — отбросив простыню в сторону, я вырвала их у неё. Обе проводницы замерли в оцепенении, пожирая меня глазами. Если уж точнее, то остекленевший от удивления взгляд их был прикован к моей нижней половине тела, где-то чуть ниже живота. Первой пришла в себя Света:

— Кать, ты видишь тоже, что и я? — произнесла она. — Её попа и впрямь чем-то прикрыта?

— Да, Свет. Это же жуткий антиквариат. Я такое только в музее видела.

— Этот антиквариат называется трусами. И вам бы тоже не мешало этим предметом гардероба обзавестись, — сказала я язвительно. — Ну всё, мне уже этот затянувшийся розыгрыш надоел, — вскочив на ноги, я попыталась вытолкать женщин из купе. — Убирайте свои голые задницы, мне надо одеться.

Проводницы попятились назад, но остановившись в дверях, продолжили наблюдать за моими суетливыми движениями. Вскоре в коридоре появилось ещё несколько женщин в голубой форме.

— Что? Что тут происходит? — голосили они наперебой.

— Она из Москвы, — отвечала Света. И все многозначительно вздохнули:

— О-о-о! — и переспрашивали: — А где это?

Стараясь не обращать внимание на их любопытные взгляды, я, присев на краешек постели, пыталась натянуть на ноги колготки. Но из-за нервного перевозбуждения, это получалось довольно неуклюже. Руки дрожали, пальцы не слушались, гладкий капрон то и дело норовил из них выскользнуть и приходилось начинать снова. Возглас облегчения эхом пронёсся по всему вагону, как только это мне наконец удалось. С юбкой произошла почти та же история. Молния никак не хотела застёгиваться, так как её замок безнадежно застрял на середине. Плюнув на последнюю отчаянную попытку сдвинуть эту коварную железяку с места, сунув ноги в сапожки, и набросив на плечи шубку, я бросилась напролом этой галдящей и шушукающей толпы. Проводницы нехотя расступились, прижав свои обнажённые ягодицы к окнам вагона в коридоре. Но только я устремилась к выходу, как за своей спиной услышала цокающий перестук их каблучков. Разгорячённая от возмущения и от этой погони, я выскочила на перрон и обомлела. Перед моим взором предстало небесно-голубоватое трёхэтажное здание железнодорожного вокзала, с розовой крышей и золочёными куполами башенок на ней. Под самым козырьком был натянут транспарант, на котором красовалась яркая надпись: «Добро пожаловать в Игарку — столицу нашей родины!» Чуть поодаль, сразу же за крышей вокзала, виднелись хрустальные купола зданий, своими округлыми формами напоминающие женские груди. Небольшие, красноватого цвета шпили на пиках куполов, похожие на отвердевшие сосочки, дополняли эту аналогию. А над ними величаво, не спеша раскручивая лопасти своих винтов, проплывали фаллического вида дирижабли.

— Добро пожаловать в Новый Эдем, милочка! — услышала я за спиной ироничный голосок Катерины. — Я не знаю как у вас там в московских глухих краях, но тут у нас вечное лето.

И в самом деле, моё лицо, уже привыкшее к декабрьским морозам, нежно обласкал тёплый летний ветерок. По перрону неспешно прогуливался народ. Из одежды на них были лишь лёгкие короткие жакеты. Обычно их длина заканчивалась где-то на уровне талии, но встречались и такие, которые еле-еле прикрывали сосочки на груди своих хозяек. И я пробиралась сквозь эту толпу полуобнажённых гостей столицы, словно чукотский оленевод.

— Кстати, — спросила я шедшую рядом Катю, — а как так случилось, что тут лето, да ещё и в декабре? Насколько я помню географию: Игарка — это заполярный город.

— Помнишь географию? Ха-ха! — женщина скорчила саркастическую гримасу. — Если бы вам в Москве ещё и историю преподавали, то тогда бы ты знала ответ, — сказала она очень ехидно, но видя мой растерянный вид, всё же сменила тон: — Не обижайся. Лет пятьсот назад всё так и было.

— Лет пятьсот? — удивлённо переспросила я, чуть не споткнувшись на ступеньках вокзала.

— Ну да, — продолжила Катя, даже не обратив внимания на мою, готовую застучать по парапету, отвисшую челюсть. — Где-то лет пятьсот назад. Но с тех пор много произошло. Пять мировых войн, природные катаклизмы, смена полюсов. В результате, из пригодных для обитания земель, остался лишь этот клочок сибирской суши.

От всей этой информации у меня по спине побежали то ли мурашки, то ли капли пота. В шубе становилось нестерпимо жарко. Спешащие мимо прохожие, сверкая своей обнажённой плотью, косо поглядывали на мой наряд. И от этих подозрительно-любопытных взоров мне становилось не по себе, словно это я была голая, а не они. Боже, куда я попала?

— Ты попала в рай, дорогуша! — ответила проводница, и с этими словами втокнула меня в двери игаркского вокзала.

* * *

Рамка в проходе тоскливо запищала, и передо мной возникла конопатая девчушка в салатном пиджачке, с золочёными лилиями на сиреневых погонах.

— Гражданочка, — пропищала она тонким голоском, — у вас тут перегрев. Зачем Вы так закутались?

— Она из Москвы, лейтенант, — подмигнула ей Катя.

— О-о! — понимающе кивнула рыжая девчушка, и уже обращаясь ко мне: — Следуйте за мной, гражданочка.

Понуриив голову, я поплелась вслед за этим худеньким созданием в офицерском мундире, по дороге разглядывая как ловко виляет её маленькая попка. Вдоль стены, в кожаных серебристых креслах сидело с десятка два женщин, самых разных возрастов, одетых всё в тот же знакомый «классический» стиль: закрытый верх, открытый низ. Как только я появилась в своём меховом великолепии, разговоры смолкли и все взоры были устремлены на меня.

— Раздевайся, — приказным тоном сказала лейтенантша.

— Что? — переспросила я.

— Раздевайся. Что непонятного? — пропищали «рыжие конопушки», вздёгнув вверх свой носик. — Снимай всё и клади в корзину, — и передо мной тут же появилась тележка, как в супермаркетах.

Раздеваться посреди зала, под пристальным взглядом посторонних глаз было жутко унизительно. Но тело отзывалось приятной истомой после каждой сброшенной с неё вещи, чуя свежий ветерок от кондиционеров, приятно охлаждавший кожу. Небольшая заминка произошла из-за сломанного замка на молнии юбки. Но лейтенант, до того момента

стоявшая с невозмутимо-безучастным видом, заметно занервничала, и достав из кармана ножницы, одним движением ловко располовинила мою любимую юбочку так, что я даже охнуть не успела.

Оставшись голой, я смущенно прикрыла ладошками свои, скромного размера груди. Хоть похоже это уже было лишним. Как только моё тело покинул последний клочок ткани, так тут же все вокруг потеряли ко мне интерес, продолжив свои обыденные разговоры.

— Идём быстрее, — схватив меня за руку, сказала девушка в форме, — пока окошко освободилось.

И мы рванули в другой конец зала. Шлёпая босиком по керамической плитке, мне оставалось лишь с грустью наблюдать, как уборщица увозит тележку с моими пожитками куда-то вдаль.

За стеклом сидела пожилая женщина с типично бюрократической внешностью, уставшего от чужих забот клерка. При виде её меланхолично-озабоченной физиономии, подёрнутой паутинкой суровых морщинок, мне стало страшновато, и неприятно заныло внизу живота.

— Вставь голову и руки в отверстия, — приказала сопровождавшая меня конопатая девица. В самом деле, в стекле было три круглых отверстия: одно большое и два по бокам поменьше. Проделав то, что от меня просили, я с облегчением подумала, как хорошо, что из-за разделявшего нас стола, я не могу видеть эту дамочку ниже пояса. Та даже не бросила на меня взгляд, продолжая лениво щёлкать по клавиатуре компьютера, выводя на стерео-монитор какие-то символы. Щелчок и вдруг отверстия в стекле сжались, плотно обхватив мою шею и запястья рук. В испуге я дёрнулась, но окно лишь гулко задрожало, не выпуская пленницу из своих оков.

Кто-то сзади, схватив меня за ноги, развёл их в стороны и зафиксировал кожаными ремешками за щиколотки. Я не видела, что происходит у меня за спиной, но чувствовала, что народу поглазеть на моё униженное положение явно прибавилось. По меньшей мере две пары рук кинулись обследовать каждый кусочек моего тела. Его тискали, щупали, измеряли, загоняли в него иголки, вешали датчики, и бог знает что ещё с ним делали. И при этом, мне ещё приходилось отвечать на вопросы, задаваемые женщиной за столом, которая невозмутимо, ни разу на меня не взглянув, заполняла данные в анкету. — Ваше имя, фамилия? — спрашивала она.

— Ева Семёновна Сысоева.

— Семёновна? — удивилась она. — Какое странное второе имя.

— Это не имя, — отвечала я, пытаясь с трудом сохранить самообладание. Два холодных пальца в этот момент чересчур тщательно обследовали отверстия на моей промежности. — Это не имя, а отчество.

— Что такое отчество? — озадаченно спросила бюрократорша, скорее не меня, а свою коллегу-соседку. Та, нехотя оторвав голову от монитора, пожала плечами.

— Нет. У нас так не принято, — констатировала мучительница моих мозговых извилин. — Нужно второе имя. И желательно французское.

— Почему французское? — удивилась я, Этот парадокс немного отвлёк меня от наглого пальчика на моём клиторе.

— Такова дань традиции в честь первых строителей Нового Эдема, — и выдержав многозначительную паузу, она добавила: — Они были из Мордовии.

Я бы наверное ещё могла порассуждать на тему, в чём тут логическая связь и откуда в Мордовии французские корни, но в этот момент назойливый пальчик на моей мокрой щёлке

сделал своё дело, и тело разразилось таким оргазмом, что стекло зазвенело. Ноги обмякли, колени подкосились, и я бы точно рухнула на пол, если бы не была привязана, а голова не торчала в стеклянных колодках. Закатив глаза, я тихо застонала. И в этот момент перед лицом щёлкнула вспышка фотокамеры. — Эй, — возмущилась я, кося глаз на монитор компьютера, где загружался снимок перекошенной судорогой физиономии, — предупреждать надо. Давайте ещё раз, я кажется моргнула.

— Послушайте, — послышался возглас сзади, — а девочка похоже чиста на эдемайзер-тест. Откуда вы такую взяли?

— Она из Москвы, — пропищал голосок конопатого лейтенанта.

— О-о-о! — разнеслось эхом по залу. «О, боже, если ещё раз я услышу это «О», то я за себя не отвечаю.»

— Так эту проблему надо срочно решить. Зовите Зину.

— Зина! — гаркнула женщина за столом, так, что на несколько секунд я даже оглохла. Дверь за её спиной слегка приоткрылась и оттуда послышался низкий бас:

— Чего?

— Тащи сюда эдемайзер, Зина.

Дверь распахнулась настежь, и в её проёме появилась женщина, под два метра ростом и в объёме примерно столько же. Фирменный зелёный жакетик сиротливо покоился на её толстых плечах, готовый в любую минуту треснуть по швам. Из под него, даже не пытаясь прятаться от чьего либо взора, выглядывали груди, как два здоровенных белых бивня. Но самое страшное зрелище было у Зины между ног. Там, пристёгнутый на ремешках, виднелся огромного вида strapon. Настолько огромного, что пожалуй такого «эдемайзера» я даже у жеребцов на ипподроме не видела. Погладив этого фаллического монстра рукой, женщина подмигнула мне, и пробасила:

— Держись, девочка, я уже иду к тебе, — и от этих слов я задрожала в ужасе и заскулила, пытаюсь разжалобить бюрократоршу:

— Не надо Зину... Пожалуйста, не надо Зину... Я всё подпишу, только не надо Зину.

Пока Зина обходила конторки, казалось, что всё здание содрогалось под её шагами. Я, закрыв глаза от ужаса, тихо молилась: «Господи, пусть всё это будет только сон. Господи, я хочу проснуться у себя в мягкой и уютной постельке. Господи...»

И тут две руки схватили меня за бёдра, как пушинку подняв вверх. Ремешки на ногах натянулись, больно врезавшись в щиколотки, и мои пятки повисли в воздухе. Минута томительного ожидания неизбежности, и что-то огромное уже безжалостно растягивало мои половые губки. Хочу кричать, но от ужаса, сковавшего все мышцы, не могу толком ни вздохнуть, ни выдохнуть. Лишь тихо скрежеча зубами, понимаю, что в этот самый момент меня, как тряпичную куклу, натягивают на огромный кол.

К моему удивлению боль, причинённая таким грубым вторжением, быстро прошла. Не знаю почему. То ли моё влагалище быстро адаптировалось к таким чудовищным размерам, то ли Зина натирала свой силиконовый агрегат какой-то анестезией, но вскоре весь этот ужас уступил место накатывающим одна за другой волнам удовольствий. Мне оставалось лишь расслабиться под их монотонное покачивание и наслаждаться процессом. Страпон пульсировал внутри меня, как живой, выплёскивая с каждым толчком новую порцию «эдемайзера» во влагалище. Но в тот момент я этого ещё не знала. Мне объяснили все эти тонкости гораздо позже, хотя так и не поняла из чего готовят это студенистое зелье,

заменяющее мужскую сперму. А тогда я лишь тонула в бесконечном оргазме, то и дело скручивающем моё тело в агонизирующих судорогах. Видимо тут не обошлось без магии химической формулы, того самого хитрого зелья, под названием «эдемайзер».

Под занавес этого спектакля, я наконец прокричалась на весь вокзал, чем вызвала ураган аплодисментов у случайных и невольных зрителей этого секс-шоу. Я думаю, что именно эта столь бурная реакция организма и решила мою дальнейшую судьбу. Привлечённая моим криком, элегантная рыжеволосая красавица по имени Анна Фелиция, долго о чём-то шепталась с суровой бюрократоршей, пока та не кивнула головой. Меня тут же отстегнули, выдав предварительно штрих-паспорт, в виде татушки на внутренней стороне бедра, и отдали в полное распоряжение этой женщине. И через несколько минут автокар, плавно покачиваясь на гравитационной подушке, уже уносил меня навстречу неизвестности.

* * *

— Девчонки, принимайте нового жильца, — сказала комендантша заводского общежития, распахивая дверь комнаты.

Навстречу нам выбежала худенькая девушка с растрёпанными, чёрными как смоль, волосами, и в коротком топике.

— Ксения, а Вита Моник где? — спросила комендантша. — Опять перерабатывает ударница наша?

— Да, Елена Бриджитовна. Наша Витаминка вся в трудах.

— Ну тогда ты помогай новенькой быстрей освоиться.

Я всё это время скромно стояла позади, держа в руках свой небольшой скарб: выданные мне чёрные лакированные туфельки, розовую маечку и серенький жакетик с фирменной нашивкой на рукаве «Корпорация «Счастье». Все остальные мои вещи, из далёкой прошлой жизни, канули в недрах игаркского железнодорожного вокзала.

— Ксения Николь. Можно просто Ксюша, — протянула девчуха мне руку.

— Ева... — запнулась я, вспоминая моё новое второе имя. — Ева Селин. Можно просто...

Но не успела я договорить, как Ксюха резко дёрнула руку, увлекая меня внутрь комнаты. С разбегу мы обе плюхнулись на постель.

— Вот и славно, — произнесла комендантша, закрывая за собой дверь.

— Ну, давай рассказывай, — девушка, поджав под себя ноги, в нетерпении заёрзала попой.

— Что рассказывать? — переспросила я.

— Расскажи откуда ты? Как попала в Корпорацию? Всё рассказывай.

— Я из Москвы... — начала я, но видя, как от этих слов у Ксюши округлились глаза и открылся рот, приставила к её губам палец и строго произнесла: — Даже не думай это произносить.

— Что произносить? — удивилась девушка.

— Произносить «О-о!» и загадочно вздыхать.

— Не собиралась я вздыхать. Я лишь хотела сказать, как это круто. Я никогда не встречала москвичек. И как там в Москве? Правда, что там по улицам ходят мутанты? А правда, что в метро поселился огромный жёлтый червяк? А правда...

— Эй, Ксюша, стоп, — пыталась я остановить этот бесконечный поток вопросов. — Во-первых, я не знаю, что сейчас там в Москве. Я давно из неё уехала. Даже очень давно... — на этих словах я споткнулась и задумалась: «А и в самом деле, как же давно это было?» Судя по календарю, висевшему в комнате, сейчас шёл 2617 год. Ну как мой девичий мозг мог

переварить такую информацию. Получается за одну только новогоднюю ночь я постарела сразу на шестьсот лет. «Неужели я больше никогда не вернусь домой? Неужели я больше не увижу своих родителей? И Серёжу? Ну зачем надо было ссориться в канун того далёкого 2017 года?»

Видя, что на моих глазах наворачиваются слёзы, Ксения смутилась, и встав с кровати, виновато произнесла:

— Прости-прости, я мучаю тебя расспросами, а ты устала с дороги. Ложись, отдыхай, потом поговорим, — и с этими словами девушка стала помогать снять покрывало с постели. Под одеялом что-то зашевелилось, словно змея пыталась поднять голову.

— Господи, что это? — я в испуге отскочила в сторону.

Ксения отдернула одеяло, и моему взору предстала странная картина: из середины матраса и из подушки торчали искусственные мужские органы. Потревоженные, они оживились, стали набухать прямо на глазах, дёргаться и вибрировать.

— Это всего лишь «Осчастлививатели», встроенная ночная модель. Кстати, продукция нашей корпорации. Нужно только вовремя капсулы с эдемайзером менять.

— Да что же это за мир такой? — выдохнула я. — За всё своё время здесь, я не видела ни одного мужчины, а их фаллические символы повсюду натыканы.

— Угу, — кивнула Ксюха. — А кто такие мужчины?

— Как это кто такие мужчины? У вас что и в самом деле их нет?

— Кого нет? — девушка лишь продолжала хлопать удивлёнными глазками.

* * *

Ксюша прыгнула в свою кровать, и после недолгих поскрипываний матрасом, её стоны, сменив тональность, перешли в режим посапывания. Никогда бы не подумала, что два мужских члена в постели могут так быстро усыпить женщину. А вот мой мозг, кипевший от избытка мыслей, никак не хотел сдаваться сну. Я сидела на краешке кровати, поджав под себя ноги, и изредка бросала взгляд в бок. То налево, где на подушке, готовый в любую минуту восстать во весь рост, мирно дремал мой ночной фаллический приятель. То вправо, туда, где под складками одеяла затаился в засаде его брат-близнец. Неужели в этом странном мире, лишенном мужчин, из всех воспоминаний о них остались лишь эти механизированные подобию былых похотливых достоинств?

Спрыгнув на пол, я на цыпочках, стараясь не шуметь, подбежала к окну. Приоткрыв тяжёлую штору из плотной чёрной ткани, с удивлением обнаружила, что за стеклом светло как днём. Из-за горизонта медленно выплывала огромного размера луна. Заполняя своим чудовищным видом чуть ли не пол-неба, она щедро разливала ярко-серебристый свет на улицы засыпающего города. Что-то было страшно завораживающее в этом, испещрённом большими кратерами, ночном светиле, каменной глыбой нависающей над хрупкими людскими постройками. Нет, это уже точно был не мой, когда-то привычный мир, в свете уличных фонарей и неоновых афиш. Я в ужасе задёрнула штору, и возвращаясь обратно в свою постель, прошлёпала босыми ногами мимо ксюшиной. Лунный свет нашёл прореху в тёмной ткани, и теперь своим тонким лучиком щекотал личико спящей девчонки. Словно чувствуя это прикосновение, та забавно морщила носик, продолжая сквозь сон причмокивать своего подушечного дружка, пуская слюни на наволочку. Её вид меня немного повеселил и отвлек от грустных мыслей, и я поспешила нырнуть в свою постельку. С одним товарищем я расправилась быстро и кардинально, просто перевернув подушку. Со вторым оказалось

сложней. Сначала пыталась лечь с краю, чтобы его не задеть, но задремав, всё же скатилась на середину. Он включился, и набухая, стал тыкаться мне в промежность.

— Да что же у них, головка с самонаведением что ли? — пробурчала я. Но бороться с этой напастью уже не было ни сил ни желания. И я, слегка приподняв попу, приоткрыла «дверцу» для незваного гостя. Тот, как будто только этого и ждал, быстро оказавшись внутри. Хотя, после Зины шансов промазать у него итак было мало. Немного подёргавшись, он разрядился порцией «эдемайзера», и я тут же провалилась в глубокий сон.

* * *

Проснулась от того, что кто-то яростно долбил моё влагалище, накачивая его чем-то тёплым и бодрящим. Соседка уже встала, и сверкая своей маленькой, но весьма кругленькой попкой, суетливо бегала по комнате.

— Встаём! — крикнула она мне. — А то на работу опоздаем. Я первая в душ... И кстати, зря перевернула подушку. Утренний эдемайзер с очень приятным кофейным вкусом.

Надо отдать должное изобретателям этих «осчастлививателей». Они подошли к их созданию с творческой фантазией и чувством юмора, снабдив аналог мужского члена опцией будильника, да ещё и с функцией «кофе в постель». Может в этом мире не так уж всё бессмысленно и абсурдно?!

* * *

Общественный транспорт за шестьсот лет претерпел мало заметных изменений. Разочаровав мои ожидания, к остановке подкатил обычного вида автобус. Ну, разве что без колёс. Вися в воздухе, в полуметре от земли, он слегка качнулся, когда мы с Ксюхой прыгнули на его подножку. Внутри салона, на первый взгляд, стояли привычные ряды кресел. Но только на первый взгляд привычные. Повальный культ фаллоса коснулся и их дизайна. В центре каждого посадочного места, во всей своей боевой упругости, стояли всё те же знакомые осчастливатели. Ловко насадившись на одного из них, Ксюха сходу плюхнула свою попу в кресло у окна. Я, замешкавшись, осталась стоять в проходе, с чувствами лёгкого удивления и брезгливости, поглядывая на этот интимный объект, торчавший из-под кожаной обшивки, в столь свободно-массовом доступе. В тот далёком 2016-ом году, я привыкла думать, что даже прикосновение к ручкам в общественном транспорте, уже несёт бактериологическую и прочую угрозу, а тут такое грубое пренебрежение к нормам гигиены. Но пассажиры вокруг, в отличии от меня, даже не обременяли свой мозг такими проблемами, принимая этот утренний обмен писько-затычками за повседневную обыденность.

— Чего стоишь? Садись, — сказала Ксюша и нежно погладила ладошкой ствол осчастлививателя на соседнем кресле. — Дорога не близкая, есть время расслабиться и получить порцию эдемайзера.

Я выдохнула и медленно опустилась на сиденье. Надеюсь, что в этом самом эдемайзере предусмотрена функция антисептика, и я ничего не подцеплю. А возможно, в этом будущем, человечество уже решило все проблемы медицины. Глядя на лица вокруг, пышущие здоровьем и счастливыми улыбками, мне так хотелось в это верить.

Автобус резво рванул с места, и фалло-штучка внутри меня завибрировала ещё сильнее. Волна наслаждения прокатилась по всему телу, слегка затуманив сознание. Я стыдливо прикусила губы, стараясь сдержать вырывающийся наружу стон, что было совершенно напрасно. Никто в салоне автобуса и так не обращал на меня внимания, занятые лишь своими чувствами. Оханья, аханья и прочие звуки восторга и наслаждения неслись со всех сторон,

сливаясь в какую-то удивительно-ритмичную хоровую песню. И я тоже решила не сдерживать себя, выдав под конец громкое и протяжное соло.— Что это значит? — спросила я Ксюшу.

— Фригидность, — ответила та печально. — Девочке не позавидуешь... Ого!

В автобус вошли две женщины в чёрных форменных жакетах и высоких головных уборах, напоминающих гусарские кивера. Окинув взглядом салон, они тут же направились на призывно-мигающий фиолетовый огонёк.

— Патруль, — шепнула мне на ухо Ксюша. — Вот не повезло девчонке.

— Что значит не повезло? — забеспокоилась я. — Что они с ней сделают?

— Не бойсь! Всего лишь отправят на лечение. Хотя, — Ксюша задумалась, и тихо добавила, — если случай безнадежный, то могут и на опыты отдать в корпорацию «Генезис».

— Но девушка всего лишь не смогла расслабиться, и ей никто не помог, не подсказал, — возмутилась я, уже готовая сорваться с места на её защиту, но Ксения меня остановила:

— Ева, стой, — сказала она, держа за руку. — Поверь, с патрулём лучше не связываться.

Женщины в чёрной форме уже уводили испуганную смуглянку, подгоняя лёгкими толчками в попу своими резиновыми дубинками. Догадайтесь сами, какой вид был у этих дубинок и на что они были похожи.

* * *

— Почему так долго стоим? — спросила я. Но отвечать моей подружке не пришлось. Я уже и сама увидела, кого дожидался водитель.

Эх, пожалуй я погорячилась с мыслью, что в этом странном мире были лишь цветущие здоровьем люди. По ступенькам автобуса, кряхтя и тяжело дыша, вползала женщина, мягко говоря, очень пожилого возраста. Ноги дрожали и не слушались. Опять я инстинктивно дёрнулась, чтобы помочь старушке. И опять Ксюша меня остановила:

— О, это местная легенда — Агриппина Шанталь. Никто толком не знает сколько ей лет.

Поговаривают, что не меньше трёхсот.

Да уж! И видок у неё был соответствующий этому возрасту. Сгорбившись, она проковыляла через весь салон в конец автобуса, таща за собой костлявую, иссохшуюся задницу, по дороге весело пиная коленками обвисшие груди. Где же мой строго-пуританский двадцать первый век, где все эти прелести драпируются слоями ткани.

— Послушай, Ксю, а ей не вредно в таком возрасте эдемайзеры, да ещё и в корме автобуса, где наверняка сильнее трясёт? — Ксюха лишь хитро улыбнулась в ответ.

Старушка тем временем добралась до заветного кресла, и взгромоздившись на него, крикнула хрипловатым голосом:

— Трогай!

И понеслось! Древняя старушка устроила такое родео на заднем сидении автобуса, что многие бы ковбои позавидовали её выдержке и умению держаться в разгорячённом седле. Не удивительно, что к концу поездки оргазмометр над её головой зашкалил красным цветом. Может в этом и был секрет её долголетия. Похотливая душа никак не хотела покидать бременное тело, пока ещё был хоть один шанс получить столь жаркий допинг между костлявых ног.

* * *

— Располагайся. Это наши рабочие места, — сказала Ксения.

Конвейерная линия по сборке «Осчастлививателей». В рабочие кресла сотрудников встроены всё те же «Осчастлививатели». Почему-то меня это уже не удивляет. Но на всякий

случай озвучиваю одну случайно залетевшую в голову мысль:

— Я конечно понимаю, что у нас тут культ бесконечного секса по жизни. Но что вы делаете, скажем, во время месячных?

— Чего? — удивилась подружка.

— Ну, когда эти дни и идёт кровь, — Ксюха ещё больше удивилась. Пришлось пояснить. Ткнув пальцем под живот, добавила: — Когда оттуда идёт кровь.

— А! Пачкуны что ли? — тихо переспросила она. — Я слышала, что если не получать регулярно дозу эдемайзера, то такое бывает.

Не успела я переварить эту новую информацию, как в цеху случился переполох. Рабочие, вскочив со своих мест, возбуждённо перешёптывались:

— Забыли... Забыли на испытательном стенде... Ой, бедняжка...

Стеклянные двери распахнулись, и медики выкатили тележку, с лежащей на ней голой девушкой, с ослепительно-белыми волосами. Тело было неестественно выкручено и слегка дёргалось в конвульсиях. Глаза широко раскрыты, но зрачки закатились вверх. Дыхание частое, отчего роскошная грудь белокурой красавицы дрожала, словно желе, забытое на стиральной машинке. Из раскрытого влагилица пульсирующими толчками выбрасывалась бесцветная жидкость. Увидав это, Ксюша побледнела и бросилась к девушке со словами:

— Вита, Вита... Витаминка, что с тобой?

— Успокойтесь, — отстранила её женщина-медик. — Всё в порядке с вашей подругой. Лишь небольшое переутомление. Через пару дней на ноги поставим.

* * *

После увиденного работать не хотелось, но порция эдемайзера сделала своё дело, развеяв грустные мысли и придав сил. Работа оказалась не сложной. Крути себе винтики, да ёрзай попой по креслу, получая новый стимул и вдохновение.

После обеда к нам в цех заглянуло начальство. Уже знакомая мне по вокзалу Анна Фелиция, в сопровождении мастера цеха испытаний и доводки — слегка странноватого вида женщины с перламутрово-голубыми волосами и в огромных очках.

— Итак, друзья-подружки, — начала Анна Фелиция, — на испытательном стенде освободилась вакансия. Нужен доброволец для доводки и калибровки «Осчастлививателя 26—17бис»

Все тут же в едином порыве сорвались с места. Одна лишь я осталась сидеть, докручивая болтики. В отличии от этих безумных фанатиков секс-игрушек, готовых броситься хоть под поезд, если он будет под завязку нагружен эдемайзерами, я пока сохраняла трезвость рассудка. Да и вид затраханной до комы блондинки стоял ещё перед глазами. Но, к сожалению, моя демонстрация скромности произвела на начальство совсем другой эффект, чем тот на который я рассчитывала. Отбивая звонкий ритм своими каблучками, Анна Фелиция прошла вдоль рядов кресел. И почему-то я спиной почувствовала, что она направляется именно к моему рабочему месту.

— Ева, — сказала она, положив руку мне на плечо, — а ты бы не хотела попробовать. Рабочие тихо зашушукались, но всё равно я смогла расслышать фразу, сорвавшуюся с чьего-то языка:

— Она из Москвы.

— О-о-о! — пронеслось эхом по всему цеху и повисла неловкая пауза.

Впрочем, неловко было только мне. Не выдержав гнетущей тишины, я резко вскочила с

места. Причём так резво, что фаллическая штучка вышла из меня со звуком пробки, вылетевшей из бутылки.

— Ну, хорошо! — сказала я решительно. — Где это ваше животное?

* * *

— О, мой Шива! — воскликнула я, войдя в огромный белый зал.

Посреди этого стерильно-блестящего помещения стоял внушительного вида агрегат, где-то метра три в высоту. В первую очередь бросалось в глаза обилие искусственных рук, торчавших из него. И от этого со стороны он чем-то походил на древнее индийское божество, внушая благоговейный трепет, до дрожи в коленках.

— Шива? — повторила мой восторг голубовласая Мальвина, поправляя очки. — Оригинально! Надо будет оставить в качестве рабочего названия, а то «Осчастлививатель 26—17бис» звучит долго и нудно.

«Так это под этого монстра меня хотят положить? Боже, на что я подписалась?» — паника захватила мой мозг.

Но не успела я озвучить свои страхи, а меня уже раздели и уложили вниз животом на какую-то платформу, больше напоминающую спортивного козла в физкультурном зале. Свисающие вниз руки и ноги тут же прикрутили ремешками к его ножкам. Почувствовав лёгкий холодок, по спине побежали мурашки. Где-то на полчаса все забыли о моём существовании, оставив наедине со своими страхами, в томительном ожидании неизвестности.

Потом подошла сама Анна Фелиция и положила руку на мою дрожащую попу.

— Не бойся, Ева, — сказала она, — тебе это даже понравится.

— Может стоит убавить мощность после предыдущей испытуемой? — спросила Мальвина.

— Не стоит. Я думаю эта девочка справится.

Слова начальства, хоть и прозвучали дорогим комплиментом, но смелости они мне увы не прибавили, я по прежнему продолжала дрожать, как испуганный зайчонок. И тогда Анна Фелиция взяла из рук Мальвины тюбик с гелем, и стала массировать мою промежность, забираясь мокрыми пальчиками в обе мои дырки.

— В попу? — закралась в мою голову страшная догадка. — Пожалуйста, не надо в попу, — запричитала я, но женщина не обратила на эти попискивания никакого внимания, продолжая набивать мой встревоженный маленький анус гелем. И тогда я стала дёргаться, пытаюсь вырваться. — Развяжите меня. Развяжите немедленно, я передумала, — но тут же получила сильный шлепок по заднице. — Послушай меня, девочка, — наклонившись к уху, произнесла Анна Фелиция, — не разочаровывай меня, кончай кочевряжиться. А то моё терпение лопнет, и я отдам тебя в «Генезис». Там как раз не хватает материала для своих опытов. Глазом не успеешь моргнуть, а тебя уже на запчасти разобрали.

Я замерла от этих слов. Видя мою покорность, Анна продолжила массировать промежность, дразня клитор. Думаю в этом не было никакой необходимости, просто так она хотела отвлечь меня, сняв напряжение. И через минуту и впрямь мой разум переключился лишь на те стимулы, что посылал в мозг низ живота. Пока я была во власти этих затуманенных чувств, «козла» подкатили по рельсам к многорукому агрегату. Платформа вдруг ушла из-под меня, опустившись вниз, и тело повисло на механических руках «Шивы». Ощущения от прикосновений сразу сотен пальчиков оказались очень непривычными, но приятными и расслабляющими. Щекотливая дрожь пробежалась по телу. Я даже и не догадывалась

сколько на нём было не задействованных ранее и дремавших чувственных мест. И успокоившись, я отдалась во власть этих новых тактильных наслаждений, словно на морской волне, мягко покачиваясь на больших искусственных ладонях. И когда к их назойливому массажу, прибавилось не менее назойливое проникновение в мокрую уже щёлку, чего-то твёрдого и упругого, я приняла его как долгожданного гостя. То есть с радостной улыбкой и писклявым восторгом.

Я уже успела кончить в оргазмических агониях несколько раз, когда наконец поняла, что у этого многорукого существа не только в руках не было недостатка, но кое в чём другом. Ещё одна фаллическая штука уже заинтересовалась моей попкой. И хотя Анна щедро смазала мой, дрожащий от страха сфинктер, но всё равно мне пришлось взвыть от резкой боли. Я уже хотела звать на помощь, но тут две руки, жёстко зафиксировав, обхватили мою голову,. И в следующий момент, третий фаллический предмет уже бил по губам, настойчиво просясь внутрь.

Дальнейшее помню смутно. Кажется на какое-то время я просто отключилась. Когда пришла в себя, не сразу поняла, где нахожусь. Было тихо, агрегат уже не шумел своими шестерёнками, механические ладони не мяли моё тело, но я почему-то не могла пошевелиться.

— Ну и как мы её будем извлекать? — услышала голос Анны Фелиции. Та увидав, что я очнулась, погладила меня по голове и сказала:

— Не волнуйся, Ева. У нас тут небольшие проблемы, аппарат заклинило, но мы обязательно тебя освободим.

* * *

Бригада ремонтников провозилась три часа, отделяя моё, нанизанное на фаллосы тело от робота-осчастливителя. Счастье наступило, когда наконец мне удалось вздохнуть полной грудью, и встать на свои, хоть и дрожащие от напряжения, ноги. Анна, нежно потрепав меня за щёку, сказала:

— А ты выносливая девчонка. Я в тебе не ошиблась, — и сдала меня на руки, испуганно отирающейся всё это время у дверей, Ксюхе. — Ксения, проводи подругу. И завтра у вас выходной, у обеих.

* * *

На остановке Ксюша болтала без умолку, преданной собачонкой прижимаясь к моим ногам: — Ой, я так за тебя испугалась. Витаминку утром унесли, думала и тебя ждёт та же участь... А расскажи, как это? Какие ощущения?

Подошёл автобус, но при мысли, что опять придётся трястись в его кресле, стало не по себе.

— Ксюша, а давай пешком прогуляемся, — предложила я.

— Так ведь далеко. Да и дойдёшь ли? Ты же еле на ногах стоишь, — действительно, ноги у меня ещё дрожали и каблуки то и дело подкашивались.

— Так не дойду, — сказала я. — А вот так дойду.

И сбросив туфельки, босиком пошлёпала по нагретому солнцем асфальту. Глядя на меня, Ксюха тоже сняла обувь, и прихватив и мои туфельки, догнала, пристроившись рядом. Поняв, что к разговорам я не расположена, она наконец-то замолкла, лишь изредка тихо мурлыкая что-то под нос. Проходя мимо длинных стеклянных витрин магазинов, она оживлялась, начинала весело прыгать, корчить рожицы и озорно вилять своей голой попкой, любуясь отражением в окнах, заражая и меня какой-то детской наивностью и непосредственностью.

— Странно, такой большой город, а детей не видно.

— Каких детей? — удивилась девушка.

— Детей... маленьких... Вот ты же когда-то была маленькой?

— Я? — Ксюша смотрела на меня удивлёнными глазами. — Я никогда не была маленькой. Ну, может и была, когда была в клоно-капсуле, но я этого не помню.

Клоны? Ну да, конечно клоны. Как ещё можно размножаться в отсутствии мужчин.

— А мама у тебя кто? — спросила я. — Ты часто с ней видишься?

— Мама? — девушка задумалась. — Кто такая мама?

— Мама это... Мама это та женщина, по чьему оригиналу тебя создали.

— А, донор что ли? Ну, тут у нас всё анонимно. Приходишь в «Генезис», сдаёшь материал, а уж потом они сами колдуют над ним.

— Что же это за «Генезис» такой, что им даже пугают.

— По правде говоря, — Ксюша взяла меня за руку, и испуганно оглянувшись, перешла на таинственный шёпот, — помимо выращивания клонов, в лабораториях этой корпорации занимаются куда более страшными вещами. Они пытаются конкурировать с нами, в плане осчастливливания, но только мы создаём роботов, а они хотят вырастить живую особь.

— Мужчину?

— Ну, может и мужчину. Но только пока, говорят, у них получаются только монстры...

Кстати, — весело подмигнула Ксюша, — покажу я тебе одну мужскую особь. Тут недалеко был один забавный музейчик, — и дёрнув меня за руку, потащила в тень узких улочек.

* * *

— Ну, как тебе? — спросила Ксения. — Ты таких мужчин в своей Москве видела?

Мы уже с полчаса стояли, открыв рот, перед огромным музейным экспонатом. Чучело волосатого существа, больше двух метров в росте, грозно поглядывало на нас сверху стеклянными глазами. Между ног, поблескивая красными головками, торчали сразу два эрегированных члена, непропорционально крупного размера. Одного этого было уже достаточно, чтобы моё буйное воображение выпало в осадок. Но оказалось, что даже большие пальцы рук и ног напоминали своим видом всё те же фаллические ужасы. Ну и добил мой разум последний штрих. Из приоткрытого рта высовывался язык, удивительно похожий на член.

Боже, зачем мне это показали? Теперь до конца дней меня будут мучить кошмары. Неужели кто-то всерьёз пытается наводнить это милое райское местечко такими монстрами. Если так, то кошмары вполне могут стать явью.

* * *

Выйдя из музея, я всё ещё долго не могла прийти в себя.

— Так, — произнесла я решительным голосом, — мне срочно нужно выпить. Есть в этом раю хоть какой алкоголь? Коньяк, виски, водка, самогон, бормотуха? На худой конец, одеколон? Или всё это тоже кануло в историю вместе с мужиками? Бар в этом городе есть?

— Бар? — закивала головой Ксюша. — Есть Секс-бар в двух кварталах отсюда. Мы туда с Витаминкой часто заглядывали.

— Опять «Секс»? А без «Секс» у вас тут что-нибудь имеется? Ладно уж, веди.

* * *

— Есть в этом городе хоть один захудалый табурет к которому наша корпорация не прикрутила своё изделие? — проворчала я, вскарабкиваясь на барный стул.

Полуподвальное помещение оказалось внутри намного больше, чем выглядело снаружи. Посетителей было не слишком много. Человек десять сидело за столиками, да три пары танцевали посреди круглого зала с фаллическими колоннами. Хоть это и было сложно назвать танцами. Женщины просто стояли друг к другу спиной, и слегка покачиваясь, ритмично тёрлись голыми ягодицами. В дальнем углу надрывалась певичка, под аккомпанемент небольшого инструментального ансамбля. По правде говоря, её заунывная песня была совсем без слов. Лишь набор нечленораздельных звуков, которые обычно сопровождают занятие сексом. Но воспроизводила она их так по профессиональному мелодично, что невольно заслушаешься и начнёшь подпевать, тем более когда внутри тебя вибрирует ошастливливатель. — Да-а! — протянула я, разглядывая эту райскую идилию. — Весело тут у вас.

И повернувшись к барной стойке, на удивление не обнаружила ни бармена, ни стройных рядов бутылок с желанной жидкостью, готовой утолить мою жажду. Ничего этого не было, лишь красноватая головка фаллической фигни, прикрученной к столешнице, слегка покачивалась перед самым носом. И глядя на этот конец, я в конец разочаровалась. Уж простите за каламбур.

— Тут самообслуживание, — подсказала Ксюша, припав губами к этой головке.

Не сразу, но я всё же разобралась в чём тут секрет. Оказалось, что на стволе фалло-крантиков есть несколько кнопочек, нажимая на которые, можно было подобрать коктейль на своё усмотрение. И уже через полчаса, войдя во вкус, я наяривала, как профессиональная саксофонистка, подбирая аккорды, и дразня свои рецепторы всевозможными комбинациями. Изрядно насосавшись, я сдёрнула Ксюшу со стула, и потащила в центр зала.

— Хватит ныть, — крикнула я певичке. — Выдай что-нибудь поэнергичней.

Та растерялась от такой наглости, но песню сменила. Музыканты подхватили новую мелодию. И хоть в песне по прежнему не было слов, но ритм был, а остальное и не важно. Ксюша привычно встала ко мне спиной. Ну уж нет. Такие попо-натиралки были не по мне. Прижавшись грудью, я нежно приобняла девушку за талию, а потом, взяв за руку, резко развернула лицом к себе. Ксюша ойкнула от неожиданности и испуганно взглянула в мои глаза.

— Доверься мне, — шепнула я ей, а сама в это время лихорадочно вспоминала всё то, что три года мне вдалбливали в танцевальной школе.

И мы закружились по залу. Подружка оказалась очень податливым и пластичным партнёром. Крутить её было одно удовольствие. Во-первых, она была очень лёгкой и миниатюрной девушкой. Во-вторых, её игриво-озорной характер быстро помог расслабиться, и войдя во вкус, получать удовольствие от процесса.

Наши тела то дразнили друг друга лёгкими, невинными прикосновениями, то сливались воедино страстными объятиями. Пуговицы на тесных жакетиках давно расстегнулись от резких движений, и наши сосочки, почуяв свободу, отвердели и заострились, словно пытались притянуться друг к другу. Ноги то и дело сплетались в танцевальных па, и я чувствовала на своём бедре жаркий поцелуй, взмокших от возбуждения губок моей партнёрши. И тогда её, и без того покрасневшиеся щёчки, вспыхивали ярким румянцем.

Мир вокруг нас будто перестал существовать. Подёрнувшись сиреновой дымкой, он на какое-то время растворился в призрачном тумане, оставив наши души и разгорячённые тела наедине друг с другом. Без всяких искусственных стимуляторов, механических

осчастлививателей и эдемайзеров, мы получили такую убойную дозу гормона счастья, что едва держались на ногах. По заблестевшему радостью взгляду, я вдруг поняла, что Ксюша смотрит на меня влюблёнными глазами. И я, поддавшись призыву этих двух карих маячков, бросилась навстречу этому зарождавшемуся нежному чувству, слившись с ней губами в страстном поцелуе. Девочка задрожала в моих руках, и едва не рухнула на пол. Я пыталась её удержать, но у самой подкосились колени. И не размыкая уст и объятий, мы медленно опустились вниз.

* * *

— Ева, очнись, — шептала Ксюша мне в ухо.

Музыки уже не было слышно. Мир вокруг снова стал осязаем, и смотрел на нас сейчас сотней удивлённых глаз. И когда только в бар успела набиться такая толпа зевак? Смущённо озираясь по сторонам, мы поднялись с пола.

— Ева, — продолжила шептать Ксения, — по-моему нам пора бежать отсюда.

— Но почему? — удивилась я.

— В Новом Эдеме такие отношения не приветствуются. Хотя в тайне многие наверняка этим занимаются, но вот публичная демонстрация может навлечь гнев и осуждение.

Вот это было для меня новым откровением. В мире, где живут только женщины, лесбийская любовь оказалась под запретом. Но возможно тут дело вовсе не в розовых оттенках этого чувства, а в самой любви в целом. Нужна ли была она в стране, чьи граждане с рождения были обделены даже таким её проявлением, как материнские чувства?

Сквозь толпу, смотрящую на нас с нескрываемым удивлением, а порой даже с чувством раздражения, мы пробивались к выходу. Но тут Ксюша, схватив меня за локоть, обречённо произнесла:

— Ну всё, мы влипли.

В дверях появился патруль со своими зловещими дубинками. Бежать было некуда. Тревожное чувство жертвы, попавшей в западню, передалось и мне. Поэтому я вскрикнула от ужаса, когда чья-то сухая, костлявая рука взяла меня за запястье.

— Девчонки, идёте за мной, — услышала я знакомый хриповатый тембр голоса.

— Агриппина? — это действительно была та безумная старушка из утреннего автобуса. Но теперь к её откровенному наряду прибавился короткий передничек официантки. Бедные посетители заведения. Как же долго и терпеливо видимо приходилось им ждать свой заказ, если их столик обслуживала Агриппина Шанталь. Не спеша передвигая своими ногами, старушка увела нас в тень фаллосоподобных колонн. Пожалуй, эти несколько минут, были самым медленным побегом в моей жизни. Не считая разве что того случая в детстве, когда я убегая от мальчишек, целых полчаса пыталась безуспешно протиснуться сквозь щель в заборе. А преследователи, всё это время, стояли позади меня, пытаясь дать шанс и фору. Но потом им это надоело, и они, стащив с меня трусики, отхлестали крапивой по голой попе. Вот и сейчас, я в ужасе оглядывалась назад, и моя задница, чуя заранее приближение хорошей порки, ныла и чесалась. Патрульные уже, переговорив с администраторшей бара, уверенно расчищали себе путь дубинками, сквозь толпу посетителей.

— Уходите через кухню, — сказала Агриппина, указывая на дверь за колонной. — И да, девчонки, спасибо за столь страстное зрелище.

Выбравшись на улицу, Ксюша ойкнула, и посмотрев на меня виноватым взглядом, сказала:

— Я наши туфельки забыла у барной стойки.

Но возвращаться было уже поздно, и мы припустились босиком по улочкам города, навстречу восходящего из-за горизонта огромного шара луны.

* * *

Было уже глубоко за полночь, когда мы добрались до своей комнаты. Не чувствуя ног, уставшая и разбитая, я плюхнулась сходу в кровать. И тут на меня накатило. Уткнувшись лицом в подушку, я разревелась. Ксюша присела на краешек, и положив руку мне на спину, пыталась успокоить:

— Ты чего, Ева, не плачь, всё же обошлось. Если ты из-за туфелек, то я дам тебе свои. У нас же один размер.

И тут я не выдержала, выпалив всё. И то, что я из другого времени. И то, что я хочу обратно в свой мир, где остались мои родители, маленькая сестрёнка и любимый муж. И я безумно по всем им скучаю.

Наступила тягостная пауза. Ксения молчала, в растерянности расстёгивая и снова застёгивая пуговицы на своём жакете. Даже того короткого времени, что я успела провести с Ксюшей, было достаточно, чтобы понять: заставить так надолго замолчать её ротик — практически невозможно. Я всерьёз стала опасаться, что выданная мной информация, что-то сломала в её неокрепшем девичьем мозгу.

Девушка, вдруг всхлипнув, положила голову мне на спину, и обняв за плечи, тихо произнесла:

— Ева, пожалуйста, не уходи в свой мир, не бросай меня одну. Ты мне нужна, Ева.

Настало и моё время зависнуть в лёгкой растерянности. Конечно, эта наивная девчушка запала в моё сердце. Но готова ли я ради неё забыть своё прошлое и отказаться от попыток найти в это прошлое обратную дорогу? Ксюша тем временем, так и не дождавшись ответа, сползла вниз, оставляя влажный след на моей спине, от взмокшего от слёз личика. И принялась нежно целовать мою попку. С каждым разом её поцелуи становились более жаркими и страстными. Почему я не оттолкнула эту девочку в тот момент? Не знаю. Может потому, что сама хотела этого больше всего. Хотела снова почувствовать контакт с живым человеком, а не с запрограммированным роботом-игрушкой. Чуть повернувшись на левый бок, я приподняла правую ногу, позволяя девичьей голове поднырнуть под неё, и припасть губами к разгорячённой щёлке. Ксюшин язычок, пробежавшись по её складочкам, сразу погрузился внутрь, в то время как кончик носика тёрся о набухшую горошинку клитора. Я еле сдерживала стоны, готовые вырваться из груди. Не выдержав возрастающего возбуждения, я вскочила, привлекла девушку к себе, и осыпая её заплаканное личико поцелуями, стала срывать остатки одежды.

— Ксюша, любимая, конечно же я тебя не оставляю, — приговаривала я.

Бросив дрожащее от частых всхлипываний тело на кровать, я задрала ноги Ксюши так, что её маленькая попка вздёрнулась кверху, оказавшись напротив моего лица. Обхватив это кругленькое творение райского создателя руками, я немного полюбовалась её аккуратненькими дырочками, а потом впиалась в них своими губами. Среагировав на нашу возню наверху, под одеялом оживилась фаллическая продукция нашей корпорации.

«Ну уж нет, — мелькнула в голове мысль, — сегодня эта девочка только моя»

И придавив коленкой эту змеюку, пытающуюся поднять голову, я продолжила дразнить языком ксюшин бутончик страсти, утоляя жажду любви его нектаром. Девушка подо мной стонала, извивалась и дёргалась в судорогах.

* * *

Даже не помню в какой момент мы наконец насытились друг другом, и забылись сладким сном. Но когда я открыла глаза, через плохо задёрнутые шторы уже пробивался яркий солнечный свет. Ксюша, закинув на меня ногу, сопела под боком, изредка причмокивая моим левым сосочком. Странно, девушке на вид было лет двадцать, но сейчас её сонное личико напоминало скорей маленького ребёнка. Ну точь в точь моя младшая сестрёнка.

Я слегка отодвинулась, пытаюсь оторвать свою, изрядно обмусоленную, грудь от ксюшиных губ. Та, не открывая глаз, заскулила, но перевернулась на другой бок и свернулась калачиком на краю кровати. Я чмокнула её в тонкую шейку, и обняв, прижала к себе. Ксюша, не просыпаясь, улыбнулась и что-то промурлыкала спросонья, плотней прижавшись ко мне своей попкой.

Увидав на тумбочке штучку с кнопками, похожую на пульт, я дотянулась до него и взяла в руки.

— Может от телевизора? — подумала я.

Но в комнате ничего похожего на привычный телевизор не было. Тогда я стала наугад нажимать на кнопки. И он появился, прямо из ниоткуда, посредине комнаты, зависнув в воздухе, возник экран с объёмными картинками. Пощёлкав по каналам, наткнулась на старые диснеевские мультики, где рисованные зверушки бегали без штанов, но в шляпах и пиджачках. Так вот откуда пошла местная мода на такой стиль с открытым низом. Улыбнулась такой догадке и щёлкнула дальше.

— И к другим новостям, — прозвучал на экране голос ведущей. — Наши беспилотные скауты снова зафиксировали на северо-востоке страны, сразу за уральским архипелагом, остров-призрак. В связи с этим, мы пригласили в студию профессора кафедры геологолокации и географологии Оксану Сильви и ведущего биоинженера «Генезиса» Анфису Вероник.

— Скажите, профессор, правда ли, что плавающий остров это и есть древняя столица государства Москва.

— Да, без сомнения, — ответила Оксана, поправляя свои очки, — на это указывают многие контуры сохранившихся зданий.

— Вот как раз сейчас мы получаем реальную картинку с одного из беспилотников, — добавила ведущая.

Я лежала на кровати, раскрыв от удивления рот. Это и впрямь была Москва. Но, боже мой, что же с ней стало? Разрушенные здания, подтопленные улочки.

— Как Вы объясните тот факт, что этот город должен был разделить участь своих соседних собратьев, и погрузиться на дно Русско-европейского моря, но всплыл.

— Вы знаете, — начал профессор, — многие вещи в нашей природе не тонут в воде, в том числе и Москва. В данном случае, сыграли роль те пустоты, находящиеся под городом, появившиеся в результате строительства разветвлённой сети метро. Оторвавшись от тектонической плиты, город всплыл, как поплавок в бачке унитаза.

— Анфиса Вероник, что Вы скажете, возможно ли какое проявление жизни на данном острове?

— Возможно там сохранились земноводные формы и пост-ядерные мутанты. Мы сейчас формируем экспедицию, чтобы проверить это лично.

Тем временем, на экране продолжала транслироваться картинка Москвы. Хоть шедший

мокрый снег мешал разглядеть все детали. Дрон как раз пролетал над Красной площадью. Её брусчатка казалась взрытой огромными кротами. Повсюду виднелись конусообразные кучки из земли и камней. Вдруг из дверей Мавзолея показалась тень какого-то существа. Если приглядеться, то можно было увидеть в ней подобие человека с волосатой грудью и полосатых труселях по колено. Это существо потянулось, зашло за угол, потрясло чем-то там, поправило трусы и вернулось на место. Потом, приложив ладонь ко лбу, словно увидало что-то в небе, сбегало в Мавзолей, и снова появилось с винтовкой...

— Мы кажется потеряли картинку с камеры беспилотника, — сухо констатировала ведущая.

— Что же, следите за новостями. А пока о погоде...

— Что?! — резко соскочила я с кровати. Ксюха, не удержавшись на краю, с грохотом свалилась на пол.

— А-у! — простонала она. — Что произошло? — испуганно произнесла девушка, спросонья потирая ушибленный лоб ладошей.

— Ксюха, — схватила я её за плечи, — быстро покажи, тут есть обратная перемотка? Как снова просмотреть новости?

* * *

— Стоп! — скомандовала я. Ксюша нажала на паузу. — А увеличить можно?

— Ужас! — воскликнула девушка, добавляя приближение. — Какая уродливая женщина.

— Это не женщина, это мужчина, — поправила я. Даже сквозь белую пелену снега и расплывчатые пиксели, я не могла не узнать эти глаза. — Серёжа! — тихо прошептали губы. И уже громко я добавила: — Мне срочно нужно в Москву.

Дверь из коридора отворилась, и в комнату вошла блондинка. Ксюха, с радостной улыбкой на устах, бросилась к ней.

— Ура, Витаминка вернулась, — завизжала она от счастья. — Вит, мы едем в Москву за мужчинами. Ты с нами?

— Абалдеть! — лишь воскликнула появившаяся соседка по комнате. Потом подошла ко мне поближе и сказала: — Ну привет, подруга. Ты что меня не узнаёшь?

* * *

На этом приключения Евы не закончились. Читайте продолжение истории в романе «Побег из рая или в поисках Адама».